

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Право
умереть

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Право умереть

«Азбука-Аттикус»

1964

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Право умереть / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1964 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-20790-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. К Вулфу обращается Пол Уиппл, чернокожий, который много лет назад помог детективу в расследовании одного преступления, с просьбой выяснить, почему его сын хочет жениться на богатой белой девушке. Вулф, связанный понятием долга, с неохотой соглашается. Но тут девушку убивают, а ее чернокожего жениха арестовывают, так как подозревают, что убийца именно он. Ниро Вулф и Арчи Гудвин берутся расследовать это дело...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20790-5

© Стаут Р. Т., 1964
© Азбука-Аттикус, 1964

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рекс Стаут Право умереть

Rex Stout

A RIGHT TO DIE

Copyright © 1964 by Rex Stout

THE DOORBELL RANG

Copyright © 1965 by Rex Stout

DEATH OF A DOXY

Copyright © 1966 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой, Александра Санина

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© А. В. Санин, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Глава 1

Ему не было назначено, и, глядя на стоявшего на пороге посетителя, я понимал, что он вряд ли принесет нам самый крупный гонорар за 1964 год. Но когда этот человек сказал, что его фамилия Уиппл и он хочет проконсультироваться с мистером Вулфом, я впустил его и провел в кабинет, потому что после долгого скучного дня было бы даже приятно получить от недовольного нарушением заведенного порядка Вулфа свирепый взгляд, а также потому, что наш посетитель был черным. Насколько мне было известно, в ходе жаркой кампании за гражданские права афроамериканцев почему-то не говорилось о праве консультироваться с частным детективом. Хотя почему бы и нет. Поэтому я не стал спрашивать, какими судьбами он оказался здесь. Когда я усадил его в красное кожаное кресло, стоявшее у письменного стола Вулфа, посетитель, оглядевшись по сторонам, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я сказал, что Вулф спустится через десять минут, в шесть вечера, и посетитель кивнул:

– Я знаю. Орхидеи.

Услышав звук спускающегося лифта, я развернулся лицом к двери. Вулф вошел в кабинет, но, заметив человека в кресле, остановился и наградил меня свирепым взглядом, одним из лучших в его арсенале. Я ответил не менее свирепым взглядом.

– Мистер Уиппл, – объявил я. – Пришел проконсультироваться.

Вулф продолжал сердито щуриться. Он явно решал, что ему делать: то ли уйти на кухню, то ли разораться. Но он всего лишь нахмурился и спросил почти нормальным голосом:

– Уиппл?

– Да, сэр.

Вулф повернулся, чтобы посмотреть на посетителя, обогнул свой письменный стол, сел в свое огромное кресло и хмуро посмотрел на посетителя:

– Итак, сэр?

Мужчина сдержанно улыбнулся:

– Я собираюсь произнести речь. – Он прочистил горло и слегка наклонил голову. – Соглашения человеческого общества касаются не только убийств, но и тысячи других вещей. Совершенно очевидно, что в Америке – не говоря о других странах – белые лишили черных некоторых преимуществ этого соглашения. Можно еще сказать, что это лишение преимуществ распространяется в некоторых случаях даже на убийства, – например, в некоторых районах нашей страны белый может убить черного если не совершенно безнаказанно, то по крайней мере с большими шансами избежать положенной законом кары. Это плохо. Это прискорбно, и я не обвиняю чернокожих, что они отрицают правильность этого. Но когда вы сталкиваетесь с фактом, а не с теорией, что вы можете предложить, чтобы изменить это? – Он взмахнул рукой. – Я, пожалуй, кое-что пропущу и пойду дальше. Если вы прикрываете его, потому что он черный, можно сказать многое. Вы этим только упрочиваете ту несправедливость, против которой сами по праву выступаете. Идеальное соглашение между людьми – это такое, в каком различия расы, цвета кожи или религии совершенно не имеют значения. Любой, поддерживающий эти различия, выступает, таким образом, против идеала, а вы, конечно, поддерживаете его. Если в деле об убийстве вы в своих действиях...

Посетитель продолжал говорить, но я уже не слушал. И только смотрел на него невидящими глазами. Я вдруг перенесся на много лет назад и оказался поздно ночью в маленькой комнате в павильоне «Апшур» на курорте Канова-Спа в Западной Виргинии¹. Вулф сидел в кресле, слишком узком для его туши весом одна седьмая тонны, лицом к аудитории из четырнадцати цветных мужчин – поваров и официантов, – усевшихся прямо на полу. У одного

---

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Слишком много поваров». – *Здесь и далее примеч. перев.*

из них, насколько мы знали, имелась важная информация об убийстве, и Вулф битых два часа пытался определить, у кого именно, но безуспешно. Примерно в два часа ночи Вулф, попробовав зайти с другого бока, произнес длинную речь, что сразу сработало. Речь произвела такое сильное впечатление на двадцатиоднолетнего студента Говардского университета, некоего Пола Уиппла, что он выложил все как на духу. И вот теперь мужчина, сидевший в красном кожаном кресле, слово в слово воспроизводил отрывки из той памятной речи Вулфа.

Я снова перенесся из павильона «Апшур» в кабинет. Должен был я узнать посетителя? Нет. Тогда он был молодым, стройным, с худым лицом. Теперь же я видел перед собой средних лет мужчину, уже начинающего лысеть, с обвисшими щеками, в очках в черной оправе. Хотя при имени Уиппл у меня в голове должен был прозвенеть звоночек, но этого не случилось. А вот у Вулфа он прозвенел. Что мне не слишком понравилось. Я готов признать, что, в отличие от меня, он гений, но в том, что касается памяти, я ничего признавать не готов.

Уиппл остановился на середине фразы. В ту ночь именно на этом месте он перебил Вулфа. Затем с улыбкой посмотрел на меня, после чего обратил улыбку Вулфу.

– Мистер Уиппл, у вас хорошая память, – проворчал Вулф.

– Не совсем так, – покачал головой Уиппл. – Не всегда. Но эта речь стала поворотным моментом в моем образовании. И я записал ее в ту ночь. Если бы у меня была хорошая память, я бы лучше справлялся со своей работой.

– А что у вас за работа?

– Я старший преподаватель в Колумбийском университете. И, боюсь, это мой потолок.

– Антропология?

У посетителя округлились глаза.

– Боже правый, ну и память! Так вы и это помните?

– Конечно, вы тогда об этом говорили. – Вулф сделал недовольное лицо. – Сэр, вы загнали меня в угол. Я знаю, что я ваш должник. Если бы не вы, я застрял бы там на несколько дней, а может, и недель. И вы, конечно, потешили мое самолюбие, слово в слово повторив столь длинную речь. Итак, зачем я вам понадобился?

– Звучит резковато, но вы всегда были слишком резким. Да, вы мне нужны. – Посетитель улыбнулся, уже не так натянуто. – Мне нужна помощь в одном весьма конфиденциальном вопросе, и я решил обратиться к вам. Сомневаюсь, что смогу заплатить ваш обычный гонорар, но я заплачу.

– Это подождет. Я ведь сказал, что я ваш должник. Ваша проблема?

– Она... очень личная. – Уиппл пожевал губами, посмотрел на меня, затем – на Вулфа. – Кстати, она некоторым образом связана с тем, что вы сказали той ночью. Именно поэтому я и процитировал вашу речь. У меня есть сын Данбар. Ему двадцать три года. Помните, вы тогда еще цитировали Пола Лоуренса Данбара?

– Конечно.

– Ну вот. Мы назвали нашего сына Данбаром. Он хороший мальчик. Конечно, у него есть свои недостатки, но в целом он очень хороший мальчик. Он работает в КЗГП. Вы знаете, что такое КЗГП?

– Комитет по защите гражданских прав, – кивнул Вулф. – Я делал им небольшие пожертвования.

– Почему?

Уголок рта Вулфа слегка пополз вверх.

– Оставьте, мистер Уиппл. Вам нужна еще одна речь для цитирования?

– Я мог бы ее использовать. Мои люди могли бы. Мой сын мог бы. Он хороший оратор. Но именно из-за него... Он и есть моя проблема. Точнее, у него проблема. Он связался с белой девушкой и собирается на ней жениться. И я не могу отговорить его от этого шага. Мне нужна помощь.

На лице Вулфа появилась недовольная гримаса.

– Только не моя! – твердо заявил он.

– Нет, я отнюдь не прошу вас с ним поговорить. Я прошу выяснить, что с ней не так.

– За исключением врожденных и универсальных недостатков, присущих ее полу, с ней все должно быть нормально.

– Однако с ней что-то явно не так, – выразительно поднял брови Уиппл. – Она – я сейчас говорю не как антрополог – из хорошей семьи. Она молода, красива, финансово независима. Для нее выйти замуж за афроамериканца – полный абсурд. Очевидно...

– Мой дорогой сэр, я не буду произносить еще одну речь. Лишь процитирую Бенджамина Франклина. «Человек, поддавшийся страсти, едет верхом на необъезженной лошади». И приведу старинную латинскую поговорку: *Ex visu amor*. Любят глазами. Пф! В природе ничего не бывает абсурдным, хотя многое прискорбно.

– Это не имеет отношения к делу.

– Неужели?

– Да, – улыбнулся Уиппл. – Помните, когда вы спросили меня, сколько мне лет, и я ответил: «Двадцать один», Моултон сказал мне, что нужно говорить «сэр». Страсть или любовь – не вопрос. Белая женщина, которая встречается с чернокожим и даже ложится с ним в постель... В этом нет ничего абсурдного. Но только не брак. И я говорю: если эта Сюзан Брук хочет выйти замуж за моего сына, с ней что-то не так. У нее явно не все дома. Вероятные трудности, преграды, неловкие ситуации, осложнения... Думаю, нет нужды вам это перечислять.

– Да.

– Она навряд ли станет ему хорошей женой, что ясно как день. С ней явно что-то не так. Темное пятно в ее прошлом или психологические изъяны. Если я смогу выяснить, в чем дело, то расскажу своему сыну. Он не дурак. Но искать то, не зная что... Нет, я для этого не подготовлен. А вот вы – да. – Он всплеснул руками. – Потому я здесь.

– Расовая гордость, – отчетливо произнес Вулф.

– Что! У кого?

– У вас, конечно. Вы, должно быть, не в курсе...

Уиппл начал вставать с кресла. Поднявшись, он скосил полуприкрытые глаза на Вулфа:

– Я не расист. И вижу, что совершил ошибку. Не думал...

– Вздор! Садитесь. Ваша проблема...

– Все, забудьте. Забудьте о моем существовании. А мне следовало давно забыть о вас. Обвинить меня...

– Проклятье! – зарычал Вулф. – Садитесь сейчас же! Антрополог, отрицающий расовую гордость?! Вам бы следовало знать. Если вы антропос, значит расовая гордость у вас определено есть. Мое замечание не было обидным, но я беру его обратно, потому что оно было бессмысленным. Вы решили действовать, а чем именно вы руководствовались, несущественно. Лично я руководствовался тем, что я ваш должник, а так как вы потребовали вернуть вам долг, я заплачу.

– Полагаю, я слишком чувствительный, – сказал Уиппл, сев на место.

– Итак, комментарий насчет женитьбы. Не исключено, что мисс Брук более реалистично смотрит на вещи, чем вы. Возможно, она достаточно умна, чтобы понять: за кого бы она ни вышла замуж, проблем в любом случае избежать не удастся. Трудностей, преград, неловких ситуаций, осложнений – я лишь повторяю ваши собственные слова, хотя выбрал бы более сильные выражения, – избежать не удастся. Если выйдет замуж за одного с ней цвета кожи, то основания для этого могут быть самыми жалкими, постыдными, унижительными и скучными. Если она выйдет за афроамериканца, то эти основания могут быть весомыми, достойными, закономерными и занимательными. Мне не приходилось встречать столь здравомыслящих женщин, но одна, быть может, и найдется. А что, если это и есть мисс Брукс?

– Нет, сэр, – покачал головой Уиппл. – Мысль, конечно, глубокая. Хотя это всего лишь пустые разговоры. Мой отец так отзывался о тех, кто умел красиво говорить: «Он управляется со словами, как с необъезженной лошадью». Нет, сэр.

– А вы, похоже, на этом заикнулись.

– Да. Если вы именно так ставите вопрос, то да.

– Очень хорошо. Вы помните мистера Гудвина?

Уиппл бросил на меня короткий взгляд:

– Конечно.

– Вы можете устроить ему встречу с мисс Брук? Возможно, ланч или обед с вами, вашим сыном и с ней? Под благовидным предлогом.

На лице Уиппла появилось сомнение.

– Боюсь, это невозможно. Она знает, что я... Короче, она знает, как я к ней отношусь. А мистеру Гудвину обязательно встречаться с мисс Брук? И с моим сыном тоже?

– Присутствие вашего сына совершенно необязательно. А вот мисс Брук – да. Я не смогу двигаться дальше, пока мистер Гудвин не познакомится, не пообщается и, если удастся, не потанцует с ней, после чего сможет дать мне отчет. Этого, возможно, будет достаточно. Возможно, будет достаточно и того, что он, питая слабость к привлекательным молодым женщинам, отлично в них разбирается и умеет входить к ним в доверие. – Вулф повернулся ко мне. – Арчи, предложения имеются?

– Конечно, – кивнул я; что ж, Вулф сам напросился. – Итак, я с ней знакомлюсь, прощупываю ее, понимаю склад ее характера, вхожу к ней в доверие, привожу ее сюда, устраиваю в Южной комнате, затем вы ее соблазните и женитесь на ней. Что касается трудностей, преград, неловких ситуаций, осложнений...

– Мистер Гудвин! – не выдержал Уиппл. – Если вы способны шутить на эту тему, то я определенно нет.

Наши глаза встретились.

– Мистер Уиппл, я от вас этого и не жду. Я просто отреагировал на шутку мистера Вулфа насчет меня и привлекательных молодых женщин. Но мне определенно придется встретиться с мисс Брукс. Вулф никогда не выходит из дому по делам. Насколько это срочно? Они уже назначили дату свадьбы?

– Нет.

– А вы уверены, что они еще не поженились?

– Абсолютно уверен. Мой сын на такое не способен. Они никогда ничего не скрывают ни от меня, ни от своей матери.

– А ваша жена вас в этом поддерживает?

– Да. Абсолютно. – Посетитель повернулся к Вулфу. – Вы сказали, ваше замечание насчет расовой гордости было бессмысленным, но вы почему-то его сделали. Что касается моей жены, к ней оно вполне применимо. Можно ли назвать расовой гордостью желание, чтобы ее сын женился на девушке, на женщине, с которой ей удастся стать друзьями? Настоящими друзьями. Я спрашиваю вас как афроамериканец, как мужчина и как антрополог: может ли она рассчитывать на настоящую семейную близость с белой женщиной?

– Нет. Впрочем, как и на близость с цветной женщиной, доведись той стать вашей невесткой. Однако вы действительно на этом заикнулись. – Махнув рукой, Вулф бросил взгляд на настенные часы: до обеда оставалось сорок минут. – Поскольку предложение мистера Гудвина мало реалистично, давайте попробуем найти что-нибудь другое. Расскажите мне все, что знаете о мисс Брук.

Я достал блокнот.

На все про все ушло не более получаса, и, когда я вернулся в кабинет, проводив Уиппла в прихожую и закрыв за ним входную дверь, до обеда оставалось еще десять минут. Вулф сидел,

уоставившись на закрытую книгу, которую держал в руках, и плотно сжав губы. Ведь как-никак его на целый час оторвали от чтения.

Я посмотрел на Вулфа сверху вниз:

– Если вы рассчитываете на извинения, то не надейтесь. Когда вы отпускаете личные замечания в мой адрес в присутствии посторонних, мне приходится реагировать.

– Конечно. – Вулф поднял голову. – Ты всегда реагируешь. Я сейчас как раз на середине главы.

– Я этого не знал. А относительно того, что я впустил его без спроса, не предупредив вас, ведь бывают исключения...

– Ба! Ты просто хотел проверить, узнаю я его или нет. Узнал, хотя и не сразу. Только когда услышал его имя. А ты?

– Если честно, то нет. Ни лица, ни голоса. Впрочем, я, как и вы, узнал фамилию. – Я решил продолжать. Если уж врешь, то лучше врать напрапую. – В любом случае мы имеем дело с новым подходом к гражданским правам. Она имеет полное право выйти замуж за любимого мужчину – и вы только посмотрите, кто пытается ее остановить. У него еще хватило наглости цитировать вашу речь.

– Я его должник, – проворчал Вулф.

– Ага. Так мы действительно собираемся взяться за дело Уиппла?

– Не мы, а ты.

– Вы перепоручаете это мне?

– Нет. Мы обсудим это позже.

– Да тут нечего обсуждать. Что бы мы на нее ни нарыли, Уиппл наверняка...

В коридоре послышались шаги, и появившийся на пороге Фриц пригласил нас к столу. Вулф отложил книгу и, погладив ее кончиками пальцев, встал с места.

Глава 2

Тот памятный разговор состоялся в понедельник, 24 февраля. А сорок два часа спустя я встретился за ланчем со Сюзан Брук в пентхаусе Лили Роуэн на Шестьдесят третьей улице между Мэдисон-авеню и Парк-авеню.

В случайном наборе фактов, представленных Уипплом, мы не нашли ничего такого, за что можно было зацепиться. Четыре года назад мисс Брук окончила колледж Рэдклифф и вскоре после этого переехала в Нью-Йорк. Теперь она жила с семьей своего женатого брата, инженера-электронщика, в его квартире на Парк-авеню. Там же жила и мать мисс Брук. Уиппл считал, что они родом из города Расина, штат Висконсин, хотя и не был в этом уверен. Уиппл также точно не знал, была ли мисс Брук финансово независима. Он мог только предполагать, поскольку девушка уже более двух лет бесплатно работала волонтером в Комитете по защите гражданских прав и за это время сделала пожертвования на общую сумму 2350 долларов. Никакой офисной работы. Она устанавливала контакты и организовывала вечера и собрания для сбора пожертвований.

Этим знания Уиппла ограничивались, за исключением пары бесполезных мелких деталей и еще более бесполезных догадок.

Идея пригласить мисс Брук именно к Лили Роуэн, естественно, принадлежала мне, поскольку Лили была моей подругой, а не Вулфа. Моим первым предложением, сделанным в понедельник сразу после обеда, было позвонить Томасу Хенчи, исполнительному директору КЗГП, и сообщить ему, что мистер Вулф подумывает о том, чтобы сделать солидный взнос, и лучшим кандидатом для разговора с Вулфом будет мисс Сюзан Брук, так как, насколько мне известно, она производит хорошее впечатление на мужчин. Однако Вулф наложил вето на мое предложение на том основании, что, во-первых, он будет вынужден сделать внушительное пожертвование, не меньше штуки баксов, а во-вторых, я намного дальше продвинулся в налаживании контактов с привлекательной молодой женщиной, если его, Вулфа, не будет рядом. Конечно, настоящей причиной отказа было то, что мисс Брук была женщиной. Вулфу много чего нравилось в его старом особняке из бурого песчаника на Тридцать пятой улице: мебель, ковры, книги, звукоизоляция; оранжерея на крыше и садовник Теодор Хорстман, специалист по орхидеям; большая кухня с поваром Фрицем Бреннером и, наконец, я как воплощение мужества и мышечной силы. Но больше всего Вулфу нравилось то, что в доме нет женщины, и его вполне устроило бы, если бы ни одна особа женского пола никогда не пересекала порог его особняка.

Поэтому я выдвинул кандидатуру Лили Роуэн, для которой штука баксов – это семечки, и Вулф нашел мое предложение приемлемым. Когда тем же вечером я позвонил мисс Роуэн, она ответила, что не собирается обсуждать грязную работу по телефону и мне стоит приехать лично. Я поехал и в результате вернулся на Тридцать пятую улицу только в четверть третьего утра. Проспав восемь часов мертвым сном, я спустился в кабинет в начале двенадцатого, когда Вулф уже спустился после утренней двухчасовой сессии с орхидеями. Около полудня позвонила Лили. Мисс Брук прибудет к ней на ланч в час дня, ну а я могу прийти пораньше, чтобы дать соответствующие инструкции.

Две мили пешком через город, а затем по Шестьдесят третьей улице – мой любимый маршрут для прогулок, хотя в ту среду мне понадобились все мое мужество и мышечная сила. Когда на улице 20 градусов по Фаренгейту², а на каждом углу в лицо врезается прилетевший с Гудзонова залива снежный заряд, залепляя рот и заставляя сгибаться пополам, тебе приходится стиснуть зубы, чтобы спокойно пройти мимо манящих дверей магазинов, баров и хол-

---

² Около -7 °С.

лов отелей. И вот, наконец оказавшись на месте, я стряхнул снег с пальто и шляпы сперва под навесом, затем – в вестибюле, сел в лифт, нажал на кнопку и увидел на пороге пентхауса Лили.

– Ближайшую постель! – попросил я.

Она подняла одну бровь – трюк, которому научилась у меня.

– Попробуй соседнюю дверь. – Она провела меня в квартиру. – Неужели ты решил прогуляться?!

– Конечно. Можешь назвать это прогулкой. – Я повесил пальто и шляпу в шкаф. – Альпинисты прогулялись до вершины Эвереста, а я прогулялся до твоего дома.

Взявшись за руки, мы вошли в гостиную с кашанским ковром с растительным узором в семь красок, размером 19 на 34 фута, с полотнами Ренуара, Мане и Сезанна на стенах, с фортепьяно цвета слоновой кости и стеклянными дверьми на террасу, где ветер играл в пятнашки со снегом. Когда мы сели, Лили, вытянув ноги параллельно друг другу, пробормотала:

– Ноги антилопы.

– Во-первых, это было давным-давно. А во-вторых, я тогда сказал, что ты похожа на антилопу в стаде коров. А теперь давай лучше обсудим мисс Брук, хотя она вряд ли появится в такую погоду.

Но она все-таки появилась, опоздав всего на десять минут. Лили велела горничной встретить гостью и пошла ей навстречу, остановившись в арочном проеме между прихожей и гостиной. Я стоял в центре кашанского ковра, и меня представили как мистера Гудвина, бизнес-консультанта.

Описание Уиппла оказалось явно необъективным. Она вовсе не была тощей. Миниатюрная, на пару дюймов ниже Лили, которая едва доходила мне до мочки уха, гладкая светлая кожа, каштановые волосы, карие глаза, пухлые губы без намека на губную помаду. Рукопожатие крепкое и дружелюбное, не наигранное. Уже после Лили сказала мне, что коричневое шерстяное платье гостыи, возможно, куплено в «Бергдорфе» баксов за двести. От коктейля мисс Брук отказалась.

Я предоставил Лили свободу действий. За ланчем – грибной суп, суфле из омара, салат из авокадо, ананасовый мусс – Лили расспрашивала гостью о деятельности КЗГП: кто работает в комитете, каковы его достижения, политика и программа. Сюзан Брук знала ответы на все вопросы. Отличная подача для любого, кто находится по другую сторону баррикад с губернатором Уоллесом или сенатором Истлендом.

Решение, выписывать ей чек или уклониться, принимала Лили, но выбор, когда выписывать чек – после более близкого знакомства или до, – оставался за мной. Лили приняла решение еще до того, как мы встали из-за стола. Она потерла глаз средним пальцем. Итак, она выпишет чек. Я стал обдумывать, как лучше поступить. То ли расспросить мисс Брук сейчас, пока она не знает, удалось ли ей совершить сделку, то ли тогда, когда чек уже будет лежать у нее в сумочке? Поскольку мое знание привлекательных молодых женщин ничем помочь не могло, я, нашарив в кармане четвертак, посмотрел на него. Орел. Тогда я потер пальцем левый глаз, и Лили сразу все поняла.

Когда мы вернулись в гостиную выпить кофе, Лили, извинившись, нас оставила. Но через минуту вернулась и вручила мисс Брук маленький прямоугольный листок голубой бумаги:

– Вот, возьмите. Это, конечно, не поможет мне сразу попасть в рай, но хоть что-то. Надежда на лучшую жизнь.

Сюзан Брук посмотрела на чек – именно посмотрела, а не мельком взглянула.

– Замечательный ланч, и это тоже замечательно. – У нее был приятный мягкий голос, однако речь слегка нечленораздельная. – Большое-пребольшое спасибо, мисс Роуэн. И не только от меня лично, но и от всех нас. Можно внести вас в список наших покровителей?

– Ну конечно, если хотите. Мой отец прокладывал канализационные трубы и одновременно играл в политику. – Сев на место, Лили взяла чашку и сделала глоток кофе. – Поскольку

вы можете позволить себе тратить время на общественную работу, ваш отец тоже умеет делать деньги.

– Умел. Хотя он занимался не канализацией, а недвижимостью. – Мисс Брук положила чек в сумочку. – Он умер шесть лет назад.

– В Нью-Йорке?

– Нет, в Висконсине.

– О... В Омахе?

Лили демонстрировала мне свой незаурядный ум, ведь мы проехали через всю Небраску до Монтаны. Мисс Брук, проявив хорошие манеры, даже не улыбнулась.

– Нет, в Расине, – ответила она.

Лили сделала очередной глоток кофе:

– Боюсь, я чересчур любопытна, но вы меня... восхищаете. Не могу сказать, что я ленивая или ограниченная. Скорее, бесполезная. Но я вас просто не понимаю. Не возражаете, если я попытаюсь?

– Нет. Конечно же нет. – Мисс Брук постучала пальцем по сумочке. – Мисс Роуэн, ваши деньги отнюдь не бесполезны.

Лили небрежно взмахнула рукой:

– На эти деньги у меня будет налоговый вычет. А вот на ваше время и энергию налоговый вычет не распространяется. Так вы занимаетесь волонтерством с тех пор, как приехали в Нью-Йорк?

– Ну что вы! Всего лишь два года. Быть может, чуть дольше. Поверьте, во мне нет ничего восхитительного. Когда я окончила колледж, кстати с большим трудом, – я выпускница колледжа Рэдклифф пятьдесят девятого года, – то вернулась домой, в Расин, и тут же поняла, что он мне до смерти наскучил. Затем кое-что произошло, и... В любом случае мой отец умер, и мы с мамой, оставшись вдвоем в большом доме, переехали в Нью-Йорк. Здесь живет мой брат, и идея переезда принадлежит ему. Но вы ведь не просили меня рассказывать автобиографию.

– Нет, практически попросила. Вы живете у брата?

Мисс Брук покачала головой:

– Какое-то время мы жили вместе, однако потом мы с мамой сняли квартиру. А я нашла работу.

Девушка поставила на стол пустую чашку, и я услужливо налил ей свежего кофе. Приятно было внести хоть какой-то вклад в разговор.

– Если я вас не слишком утомила, – сказала Лили, – позвольте поинтересоваться, что это за работа.

– Отнюдь, если это я вас не слишком утомила. Читать рукописи для издателя. Тихий ужас. Вы не поверите, сколько вокруг графоманов. Ну а потом я нашла работу в ООН, за стойкой регистрации. Работа была ненамного лучше первой, но зато там я познакомилась с различными людьми и со временем поняла, что глупо выполнять тупую платную работу, если я вовсе не нуждаюсь в зарплате. И вот одна девушка, цветная девушка, с которой я познакомилась, работая в ООН, подсказала мне идею попробовать свои силы в КЗГП. Я отправилась туда и спросила, чем могу быть им полезна. – Она выпила кофе.

– Нет, все это определенно восхитительно, – заявила Лили. – Мистер Гудвин, а как по-вашему?

– Нет. – Бизнес-консультант должен быть строгим. – Все зависит от того, что именно нужно конкретному человеку. Вы, дамы, не нуждаетесь в деньгах, но, на мой взгляд, вы обе очень эгоистичны. Вы можете осчастливить хотя бы двоих мужчин, создав им все условия для спокойной и комфортной жизни, однако вы не хотите себя утруждать. Вы обе не замужем. По крайней мере... Мисс Брук, вы когда-нибудь были замужем?

– Нет.

– И не собираетесь?

Она рассмеялась мягким отрывистым смехом:

– Быть может, я выйду замуж. После ваших слов я и впрямь почувствую себя эгоисткой, если этого не сделаю. Непременно приглашу вас с мисс Роуэн на свадьбу.

– С удовольствием приму приглашение. Кстати, а что за издатель заставлял вас читать рукописи? Мою рукопись тоже некогда отвергли в издательстве. И возможно, это сделали именно вы.

– Ой, надеюсь, что нет. «Парфенон пресс».

– Ну тогда это точно были не вы. И кстати, еще одно замечание. Это вас развеселит. Когда мисс Роуэн решила сделать пожертвование КЗГП, она попросила меня навести кое-какие справки. Я поспрашивал людей вокруг, и один человек сказал мне, что ваш комитет, возможно, находится под влиянием коммунистических идей. Людям свойственно так говорить о том, что им не нравится, однако мой человек назвал конкретное имя. Данбар Уиппл. Никаких доказательств, просто слухи. И все же Уипплу наверняка будет интересно об этом узнать. Впрочем, мне не хотелось бы называть имя своего конфиденанта.

Ни краски смущения, ни признаков волнения. Похоже, наш разговор даже немного позабыл мисс Брук.

– Надеюсь, это не завуалированный способ выяснить, не коммунистка ли я?

– Нет. Я весь как на ладони. Я бы просто спросил: «Вы коммунистка?»

– А я бы просто ответила «нет». Поначалу, когда пытались исподволь узнать, не коммунистка ли я, меня это страшно возмущало, но потом я поняла, что обижаться глупо. Теперь я лучше справляюсь с подобными ситуациями. Мистер Гудвин, вы расист?

– Я возмущен и отказываюсь отвечать.

Сьюзан Брук рассмеялась:

– Ничего, переживете. Что касается Данбара Уиппла, то он особенный. Он еще молод, и ему многому придется научиться, но он станет первым чернокожим мэром Нью-Йорка. – Она повернулась к Лили. – Мисс Роуэн, хочу вас предупредить, что в один прекрасный день я попрошу сделать совсем другое пожертвование: взнос в фонд избирательной кампании кандидата в мэры Уиппла. Вы проголосуете за афроамериканца?

Лили ответила, что все будет зависеть от обстоятельств и она голосует исключительно за демократов как дань уважения к памяти отца. Я встал, чтобы налить еще кофе, и тут Сьюзан Брук, посмотрев на часы, сказала, что у нее еще одна встреча. Мисс Роуэн показала на заснеженную террасу, заметив, что сегодня можно отменить все встречи, однако мисс Брук объяснила, что это очень важная встреча насчет школьного бойкота. Она тепло пожала руку Лили, но не мне, что и понятно, поскольку я отчетливо не озвучил свое неприятие расизма. Пока Лили провожала гостью, я, налив себе еще кофе, подошел к стеклянным дверям полюбоваться погодой.

Вскоре ко мне присоединилась Лили:

– Что за девушка! Тащиться куда-то еще в такую погоду, чтобы поговорить о школьном бойкоте! Если она восхитительна, то какое счастье, что я нет!

– Это одно из твоих главных достоинств. – Я поставил чашку на подставку для цветов.

– И то, что я довольна эгоистична. Эскамильо, посмотри мне в глаза! Возьми назад свои слова насчет того, что я могла бы тебя осчастливить, создав все условия для спокойной и комфортной жизни.

– Я не о себе, а о гипотетическом мужчине.

– Назови хотя бы одного.

– Ниро Вулф.

– Ха! На что поспорим, что я смогла бы?

– Не надейся. Я знаю его, но и тебя тоже знаю. Никаких ставок.

– Тебе придется убратся. – Лили Роуэн посмотрела на меня взглядом, который я назвал бы взглядом преследующей стадо оленей тигрицы. Впрочем, я никогда не видел, чтобы тигрица гналась за оленем. – Мы уволим Фрица и, естественно, Теодора. Вулф будет читать мне вслух. Мы выбросим орхидеи, снесем все перегородки в оранжерее и будем устраивать там танцевальные вечера, ты приглашения не получишь. А на ланч у нас будут сэндвичи с арахисовым маслом и желе...

Я закрыл ей рот одной рукой, второй удерживая ее за затылок. Лили попробовала меня укусить, но при этом даже не попыталась вырваться.

– Когда будешь готова обсудить вопрос, закрой правый глаз, – сказал я.

Она закрыла правый глаз, и я убрал руки:

– Ну?

– Я буду стоять на своем, – сказала Лили. – Она восхитительна.

– С твоей точки зрения. Все очень просто. Ей нужен статус. Она хочет стать женой мэра.

– Угу. Меня всегда смешили твои заявления насчет спокойной, комфортной жизни.

Ладно, замнем для ясности. Ты хочешь найти на нее какой-нибудь компромат, чтобы помешать этому цветному парню жениться на ней. Все верно?

– Ну, в общем-то, идея именно такая.

– Тогда я скажу тебе две умные вещи. Во-первых, тебе вряд ли удастся нарыть на нее компромат. Мне кажется, ничего ужасного за ней не числится. Тебе придется придумывать. Чего, насколько я знаю, ты не сделаешь. Во-вторых, если нечто такое и отыщется, надеюсь, не благодаря тому, что ты услышал в этой комнате. Я не стану тебя осуждать, а вот себя наверняка стану. Если она хочет выйти за черного, она, конечно, круглая дура, кто бы сомневался, однако это их жизнь. Итак, окажи мне любезность. Если ты остановишь расследование, но что-то, услышанное здесь, заставит тебя его возобновить, ради бога, не говори мне. Не желаю ничего слышать. Вот такой я человек. Впрочем, ты меня знаешь.

– Конечно. – Я посмотрел на часы: без четверти три. – Если бы у меня было личное мнение по этому поводу, оно наверняка совпало бы с твоим. Впрочем, у меня его нет. Куда ни сунься, наткнешься на права человека. Она имеет право выйти замуж за афроамериканца. Он имеет право жениться на белой. Родители имеют право вмешиваться, так испокон веков повелось. Ниро Вулф имеет право отдать долг человеку, которому обязан. Я имею право отрабатывать свое жалованье, делая то, что мне скажут, при условии, что это не нарушает моего права держаться подальше от тюрьмы. Итак, я, пожалуй, пойду и загляну в издательство «Парфенон пресс», которое всего лишь в паре кварталов отсюда.

– Там наверняка никого не будет. Видишь, как намело? К тому же я могу обыграть тебя в джин-рамми. Разве в такую погоду сотрудников не отпускают по домам?

– Не исключено, – бросив взгляд на террасу, согласился я. – Можно воспользоваться телефоном?

Лили оказалась права. Я все узнал, хотя и не от телефонистки. Какой-то мужчина сказал мне, что никого нет. Когда я положил трубку, Лили позвала меня через открытую дверь:

– Я здесь. Давай! У меня есть полное право тебя обыграть, чтобы возместить затраты на ланч.

Что она и сделала. Вроде того...

Глава 3

Это было для меня новым опытом. За долгие годы я успел провести проверку чуть ли не двух тысяч человек, однако для этого всегда имелся хоть какой-то повод, начиная с алиби и кончая мотивом для убийства. А вот в случае Сюзан Брук я проводил проверку без всякого повода. Как человек, склонный к самокопанию, я не пожалел бы и двадцати пяти центов, чтобы заранее знать, какой результат был бы для меня предпочтительнее: найти на нее компромат или вообще ничего не находить. Итак, я просто делал свою работу, причем без особой прыти, поскольку мы с Вулфом в данном случае ничем не рисковали.

На поиск информации я потратил частично три дня и три вечера. Мне удалось довольно быстро вычеркнуть зацепку, ведущую к издательству «Парфенон пресс». Мисс Брук читала рукописи дома, а не в офисе, и поэтому там ее знали всего трое: два редактора и стенографистка. Один из редакторов явно недолюбливал мисс Брук. Впрочем, насколько я понял из реплики стенографистки, это объяснялось тем, что он к ней подкатывался, но безуспешно.

Проверка ниточки, ведущей к ООН, заняла больше времени: у меня ушло целых полдня, чтобы выяснить, где именно работала мисс Брук. Еще полдня ушло на то, чтобы записать собранную информацию, и полчаса – чтобы ее прочесть. Согласно одному источнику, мисс Брук надралась на прощальном ланче в честь какого-то грека, а согласно другому – ничего подобного не было. Еще она подружилась с девушкой из Польши и летом даже возила ее на уик-энд за город. Три раза – быть может, четыре или пять раз – один француз с репутацией ловеласа водил мисс Брук на ланч в столовую для делегатов. Я попытался пойти по этому следу, но все оказалось пшиком. Мисс Брук видели выходящей из здания ООН вместе с девушкой из Марокко, с венгеркой, со шведкой. И так далее и тому подобное. Весьма познавательно для меня. ООН – идеальное место для расширения мужского кругозора. Например, я узнал, что у турчанок короткие ноги, а у индианок плоскостопие.

В субботу, в десять вечера, я поднялся на крыльцо старого особняка из бурого песчаника, открыл дверь своим ключом, повесил на вешалку пальто со шляпой и прошел в кабинет. Вулф сидел за письменным столом в единственном кресле в мире, которое ему подходило, и читал книгу А. Л. Роуза «Уильям Шекспир. Биография». Я стоял и ждал, пока Вулф дочитает до абзаца. Закончив, он поднял на меня глаза.

– Знаете, я что-то не припомню, чтобы вы так долго читали одну вещь.

Вулф отложил книгу:

– Я проверяю дату написания «Цимбелина». По-моему, Роуз ошибается.

– Тогда давайте отошлем книгу обратно. – Я сел в свое кресло и развернулся лицом к Вулфу. – Я водил девушку из Марокко на обед в «Рустерман». За свой счет. Она не танцует, так что пришлось отвезти ее домой. Итак, сегодня было примерно все то же. Не о чем говорить. Завтра воскресенье. Я отнюдь не против повалить дурака. И даже получаю удовольствие, хотя, по-моему, все это дохлый номер. Предлагаю сказать Уипплу, что, если у мисс Брук и есть темные секреты, они слишком глубоко зарыты.

– Тебе она понравилась, – пробурчал Вулф.

– Не особенно. Я уже говорил вам в среду вечером, что, по моим ощущениям, она сравнительно чиста. И продолжаю стоять на своем.

– Насколько ты беспристрастен?

– Более-менее. Я стараюсь.

– А где находится этот самый Расин?

– Между Чикаго и Милуоки. Расположен у озера.

Вулф отодвинул кресло, извлек оттуда свое массивное тело, подошел к глобусу диаметром вдвое больше самого Вулфа и, покрутив, нашел штат Висконсин.

– Расин находится ближе к Милуоки. Интересно, самолеты туда летают?

– Конечно. – Я вылупился на Вулфа. – Билеты будут стоить около восьмидесяти баксов плюс тридцать баксов в день на расходы. Или даже больше. Уиппл может не согласиться.

– У него для этого не будет повода. – Вулф снова сел в кресло. – Веблен называл это инстинктом мастерства. Мой инстинкт мастерства обострился, когда я обязался помочь мистеру Уипплу. Скажи, в разговоре мисс Роуэн с мисс Брук, который ты дословно передал мне в среду вечером, ты, случайно, не нашел чего-нибудь такого наводящего на размышления?.. Скорее всего, нет.

– Вы можете назвать это наводящим на размышления. После того как мисс Брук заметила, что Расин ей до смерти наскучил, она сказала: «Затем кое-что произошло, и...» – и осеклась. Ладно, будем считать это наводящим на размышления. Быть может, крыша большого дома стала протекать.

– Вздор! А что, если прошлое мисс Брук является жизненно важным элементом расследования?

– Тогда я, возможно, уже был бы в Расине.

– Вот и поезжай туда. Прямо завтра. Черт побери, у меня ведь есть свои обязательства!

– Возражаю, – покачал я головой. – Завтра воскресенье, и у меня тоже есть личные обязательства.

В результате мы сошлись на том, что я отправлюсь туда в понедельник и полечу в Чикаго, а не в Милуоки, поскольку в Чикаго больше рейсов.

На улице было всего три градуса выше нуля, когда в понедельник вечером, в двадцать минут шестого, я припарковал автомобиль, взятый напрокат в Чикаго, на стоянке всего в одном квартале от редакции «Глоуб» в Расине и в двух кварталах от отеля, где я забронировал номер. Я не стал оставлять автомобиль у отеля, по крайней мере на день, так как несколько лет назад потерял очень важный контакт из-за того, что машину мне подогнали спустя полчаса. Я прошел два квартала с дорожной сумкой в руках, зарегистрировался и снова вышел на улицу.

Я не успел договориться о встрече в «Глоуб», однако Лон Коэн из «Газетт» в воскресенье вечером позвонил туда и предупредил о моем приезде ответственного редактора Джеймса Э. Лимиса. После некоторого ожидания – сперва внизу, а затем на третьем этаже – меня провели в кабинет, на дверях которого значилось имя Лимиса. Он сразу вышел из-за стола обменяться со мной рукопожатием, помог мне раздеться, положив мои пальто со шляпой на диван, и сказал, что счастлив познакомиться с журналистом из Нью-Йорка. После того как мы сели и перекинулись парой фраз, я объяснил, что я не журналист, а частный детектив, выполняющий кое-какую работу для «Газетт». И поинтересовался, рассказал ли ему мистер Коэн о планах «Газетт» выпустить серию статей о деятельности Комитета по защите гражданских прав. Лимис ответил, что Коэн лишь сообщил о моем приезде для получения определенной информации.

– Однако вы наверняка знаете, что такое Комитет по защите гражданских прав? – уточнил я.

– Естественно. У них есть филиалы в Чикаго и Милуоки, хотя не в Расине. Почему вы приехали именно сюда?

– Навожу справки о конкретном лице. В серии статей будет сделан акцент на сотрудниках нью-йоркской штаб-квартиры, среди которых не последнюю роль играет молодая женщина по имени Сьюзан Брук. Насколько я понимаю, она родом из Расина. Да?

– Боже мой! «Газетт» прислала вас сюда, чтобы проверить Сьюзан Брук. Но зачем?

– Не то чтобы для этого была причина. Они хотят заполнить пробелы в ее биографии. Вот и все. Так вы ее знаете? Или, точнее, знали?

– Не могу сказать, что хорошо ее знаю. Скорее, мы были знакомы. Впрочем, я хорошо знал ее брата Кеннета. Она ведь принадлежит совсем к другому поколению. Я вдвое старше ее.

О том же свидетельствовал и его внешний вид: тронутые сединой редкие волосы и морщинистое лицо. Он был без пиджака, в расстегнутой жилетке.

– А как к ней относились в Расине? – спросил я.

– Хорошо. Одна из моих дочерей училась с ней в одном классе старшей школы. Но затем Сьюзан уехала в колледж... забыл, в какой именно.

– В Рэдклифф.

– О... Итак, на самом деле в Расине о ней нет никаких сведений, кроме ее детства. А вот ее отец – да, создал себе здесь биографию, и какую! Самый удачливый риелтор на юге Висконсина. Кстати, он был владельцем этого здания. Семья до сих пор им владеет. Мистер Гудвин, боюсь, я больше ничем не могу вам помочь. Если вам нужна порочащая ее информация, извините, это уже не ко мне.

Я собирался спросить, не произошло ли чего-либо примечательного в жизни Сьюзан Брук или кого-то из ее окружения летом 1959 года, но не стал. Редакция «Глоуб» арендовала у нее помещение и, возможно, задержалась с оплатой. И я сказал редактору, что мне нужны не жареные факты, а всего лишь общая картина, какой бы она ни была. Редактор принялся расспрашивать меня о КЗГП, а также о том, что ньюйоркцы думают о Рокфеллере и Голдуотере. И мне, чтобы не показаться невежливым, пришлось отвечать.

Я вышел на улицу уже в темноте, моментально ощутив на себе ледяное дыхание ветра, и направился в отель, где в половине седьмого вечера должен был кое с кем встретиться. В Чикаго я позвонил одному человеку, который время от времени оказывал нам с Вулфом профессиональные услуги. Он сообщил, что устроил мне встречу с неким Отто Друкером, единственным толковым оперативником в Расине. В номере было тепло, и я, сняв туфли, вытянулся на кровати, однако тут же поднялся, так как после прогулки на ледяном ветру было немудрено и уснуть.

Друкер оказался пунктуальным, опоздав всего лишь на пять минут. Когда мы обменялись рукопожатием, я постарался ничем не выдать своего удивления. Друкер, с его симпатичным, ухоженным лицом и дружелюбными, но настороженными глазами, меньше всего походил на оперативника, а скорее напоминал помощника вице-президента какого-нибудь банка. Дождавшись, пока я положу его пальто и шляпу на кровать, он поинтересовался дружелюбным, настороженным голосом:

– Как поживает мистер Ниро Вулф?

Друкер почти определенно был уважаемым гражданином. Мне никогда не приходило в голову, что частному детективу могло подойти подобное определение. И уж точно не Ниро Вулфу. Он был гражданином и уважаемым человеком, но не уважаемым гражданином.

Вечер прошел в приятной обстановке. Друкер одобрил идею поесть в номере. Когда я сказал, что сейчас позвоню в службу обслуживания номеров и попрошу меню, он заметил, что это вовсе необязательно, так как единственное, что здесь умеют готовить, – это ростбиф, картофельные оладьи и яблочный пирог. Если я представлю вам подробное описание того, как мы провели вечер, то вы, в отличие от меня, наверняка не получите удовольствия, поскольку говорили мы в основном на профессиональные темы. Например, о том, как вести слежку. Он знал все интересные фишки, о которых я мог только слышать. Поскольку он работал в Расине вот уже двадцать лет и здесь его хорошо знали, ему приходилось придумывать разные хитрые трюки, которые охотно взял бы на вооружение сам Сол Пензер.

Впрочем, моей целью, естественно, была Сьюзан Брук. Я не стал упоминать о ней, пока мы с Друкером не познакомились поближе и не закончили с едой, оказавшейся вполне удобоваримой, а из номера не унесли грязную посуду. В итоге я лишь сказал, что один наш клиент подумывает о том, чтобы взять Сьюзан Брук в качестве партнера в одном важном проекте, что все останется строго между нами и я не стану раскрывать источник информации. Я был бы

сильно разочарован, если бы Друкер не спросил, кто наш клиент. Друкер спросил. Он был бы сильно разочарован, если бы я ответил. Я не ответил.

Друкер вынул изо рта трубку и, запрокинув голову, уставился в потолок:

– Воспоминания. – Он опустил голову и посмотрел на меня. – Я выполнял кое-какую работу для отца Сьюзан Брук. Правда, крайне редко. Могу предоставить информацию о нем. Но ведь он уже умер. Сьюзан ничем не выделялась среди прочих детей, пусть даже ее фамилия и была Брук. И насколько мне известно, никогда не попадала в особые неприятности. Полагаю, вам известно, что после школы она уехала в колледж.

– Ну да, известно.

– Потом она переехала в Нью-Йорк. Во время учебы в колледже она не часто появлялась в городе, даже летом. Они с матерью много путешествовали. За последние восемь-девять лет Сьюзан Брук в общей сложности пробыла в Расине четыре-пять месяцев. А последние четыре года вообще сюда носу не казала.

– Тогда я пускаю деньги нашего клиента на ветер. Однако, насколько я понимаю, после окончания колледжа она вернулась домой. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Впрочем, возможно, вы не в курсе, ведь к тому времени ее отец уже умер. Вскоре после этого они с матерью уехали в Нью-Йорк. Вам известно, когда именно?

Друкер затаился и, обнаружив, что трубка потухла, снова зажег ее. После чего произнес, спрятавшись за занавесой табачного дыма:

– Не знаю, почему вы ходите вокруг да около? Если хотите спросить о человеке, который покончил с собой, валяйте – спрашивайте, хотя я не слишком-то много знаю.

Обычно я умею сохранять невозмутимый вид, но сейчас потерял бдительность и не смог скрыть своего удивления, услышав фразу «человек, который покончил с собой». Нежданно-негаданно я наткнулся на жареные факты. И даже более того, если окажется, что мисс Брук сама убила того парня, а затем инсценировала самоубийство. По своей реакции на эту новость я понял, что не только не ожидал, но и не хотел этого слышать.

– В чем дело? – спросил Друкер. – Неужели вы думали, я не пойму, что вы водите меня за нос?

Я выдавил широкую ухмылку:

– Конечно поймете. Даже если бы я и пытался водить вас за нос исключительно для практики, я хорошо понимаю, что у меня ни черта не получилось бы. Я ничего не знаю о человеке, который покончил с собой. Я всего лишь наводил справки о жизни Сьюзан Брук в Расине. Может, это вы водите меня за нос?

– Нет. Как только вы назвали имя Сьюзан Брук, я, естественно, предположил, что вас интересует именно этот факт ее биографии.

– Отнюдь. Я ничего об этом не знал. Вы сказали: «Валяйте – спрашивайте». Итак, я спрашиваю.

– Ну... – Друкер снова затаился трубкой. – Она вернулась из колледжа летом. Молодой человек приехал в город повидаться со Сьюзан и встречался с ней или, по крайней мере, пытался. В пятницу, четырнадцатого августа тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, в семнадцать часов сорок минут, молодой человек вышел из дома Сьюзан Брук, остановился крыльце, достал из кармана ствол, «марли» тридцать восьмого калибра, и выстрелил себе в висок. Так вы говорите, что ничего об этом не знали?

– Да. Не знал. А были ли какие-то сомнения относительно смерти парня?

– Никаких. Трое свидетелей. Две женщины на тротуаре перед домом и мужчина на другой стороне улице. Вы наверняка хотели бы узнать, причем здесь Сьюзан Брук, но тут я ничего не могу вам сказать. Я лишь знаю то, что писали в газетах, и то, что рассказал мне мой друг, который был в курсе по должности. Итак, погибший был студентом Гарварда. Он доставал Сьюзан, уговаривая выйти за него замуж, и специально приехал в Расин, чтобы продолжать

ее доставать, но Сьюзен с матерью дали ему от ворот поворот, и он в результате свел счеты с жизнью. Как вы наверняка знаете, такое случается, хотя это выше моего понимания. Должны быть очень веские причины, чтобы наложить на себя руки, и уж точно не отказ пусть даже любимой женщины. Конечно, это разновидность болезни. Вы ведь не женаты?

– Нет. А вы?

– Был женат. Она меня бросила. Это задело мое самолюбие, впрочем, с тех пор я стал спать гораздо лучше. Ну и еще одно. Если отношения между мужем и женой именно такие, какие и должны быть, значит у него нормальная работа. И уж конечно, не частного детектива. Я прав?

Мы снова начали беседовать на профессиональные темы и проговорили так около часа. Я больше не пытался свернуть разговор на Сьюзан Брук. Но когда Друкер ушел около десяти вечера, я вспомнил, что «Глоуб» – это утренняя газета, следовательно, сотрудники сейчас должны быть на месте, и, если прошлое мисс Брук было жизненно важным элементом расследования, мне следует пойти в редакцию и все проверить. Итак, я позвонил Лимису и получил разрешение порыться в старых выпусках газеты.

Ветер немного улегся, хотя теплее не стало, и мороз пощипывал кончик носа. В здании, где находился «Глоуб», уже всю работу печатные станки, и в цокольном этаже ощущалась вибрация, усилившаяся на втором этаже. Там меня отвели в сумрачную, пыльную комнату и сдали с рук на руки какому-то беззубому старикану. Сказав, чтобы я не смел ничего вырезать или вырывать, старикан отвел меня к длинному ряду полок, на которых значилось «1959 год».

Свет был чересчур тусклым. Впрочем, у меня хорошее зрение. Я начал с седьмого августа, за неделю до описанных Друкером событий, чтобы поверить, нет ли каких упоминаний о прибытии в город студента Гарварда. Ничего. То, что я искал, обнаружилось в номере от пятнадцатого августа, на первой полосе. Парня звали Ричард Олт, он был родом из Эвансвилла, штат Индиана. В воскресном номере от шестнадцатого августа заметка о Ричарде Олте снова вышла на первой полосе, но в понедельник заметку о парне поместили уже на одной из внутренних полос, а во вторник о нем вообще забыли. Я просмотрел все номера до конца недели, однако больше ничего не нашел. Тогда я вернулся к первым трем номерам и перечитал заметки.

Ни намек на желание замять дело. Показания троих свидетелей полностью совпадали. Крыльцо хорошо просматривалось с тротуара. Две женщины видели, как парень поднимал револьвер, и одна из них даже закричала. Мужчина перебежал через дорогу и приблизился к крыльцу как раз в тот момент, когда из дома выбежали миссис Брук и Сьюзан. В тот вечер Сьюзан отказалась давать интервью. Правда, в субботу утром она рассказала репортеру свою историю, честно ответив на все вопросы.

Даже если бы я с дьявольским упорством продолжил копать под Сьюзан, мне пришлось бы вычеркнуть этот эпизод и поискать где-нибудь в другом месте. Итак, я положил подшивку газет на место, сказал хранителю, что ничего не вырвал и не вырезал, после чего вернулся в отель, выпил стакан молока в кафе и лег спать.

Я до сих пор не знаю, продолжил бы я свои поиски или нет, если бы мне не помешали. Хотя, скорее всего, нет, поскольку я понял, что имела в виду Сьюзан, сказав: «Затем кое-что произошло, и...» Ведь именно эта фраза и заставила меня приехать в Расин. А помешали мне во вторник утром. Я попросил портье разбудить меня в восемь утра и, когда зазвонил телефон, удивленно посмотрел на часы. Десять минут восьмого. Я еще подумал: «Чертовы отели!», потянулся за трубкой и услышал, что меня вызывает Нью-Йорк. Я мысленно прикинул, что в Нью-Йорке сейчас десять минут девятого, и неожиданно услышал голос Вулфа:

– Арчи?

– Он самый. Доброе утро.

– Совсем не доброе. Ты где?

– В постели.

– Не стану извиняться, что тебя разбудил. Живо вставай и возвращайся домой. Мисс Брук мертва. Ее тело, с пробитой головой, нашли вчера вечером. Мисс Брук убили. Возвращайся домой.

Я тяжело сглотнул, хотя во рту пересохло.

– А где был... – начал я и, снова сглотнув, остановился. – Я выеду...

– В котором часу ты будешь здесь?

– Откуда мне знать?! В полдень, в час дня.

– Очень хорошо. – Вулф повесил трубку.

Я позволил себе посидеть десять секунд на краю кровати. Затем я встал, оделся, собрал вещи, спустился на лифте на ресепшен, выписался из отеля, дошел до стоянки, взял автомобиль и направился в Чикаго, решив позавтракать в аэропорту.

Глава 4

Когда я открывал своим ключом дверь старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, было уже не двенадцать дня и даже не час, а без пяти два. Самолет пол часа облетал кругом полосу тумана, прежде чем приземлился в Айдлуайлд-А, или, иначе, в Международном аэропорту имени Джона Кеннеди. Я снимал пальто, поставив на пол сумку, когда в прихожей, со стороны кухни, появился Фриц:

– Боже правый! Он уже звонил в аэропорт. Ты же знаешь, как он относится ко всем этим машинам. Я оставил все на плите. Икра шэда с душистыми травами и без петрушки.

– Я бы не отказался, но я...

– Арчи! – послышался оглушительный рев.

Я прошел к открытой двери в столовую, расположенную напротив кабинета. Вулф сидел за столом, намазывая сыр на вафлю.

– Хорошего вам дня, – сказал я. – Думаю, вы не захотите снова нюхать душистые травы, поэтому я, пожалуй, поем на кухне и читаю «Таймс». В самолете был лишь вчерашний номер.

Мы получаем два экземпляра «Таймс»: один для Вулфа, которому Фриц приносит в комнату поднос с завтраком, и один для меня. Я прошел на кухню, где на маленьком столике, за которым я обычно завтракаю, на специальной подставке уже лежал свежий номер «Таймс». И даже когда я на неделю уезжаю из дому по какому-нибудь делу, Фриц, вероятно, каждое утро кладет мне на стол «Таймс». С него станется. Я сел, взял газету и начал просматривать заголовки, но тут меня отвлек Фриц, который принес блюдо и подогретую тарелку. Я принялся за еду: положил в рот икры шэда, а затем обмакнул кусочек хрустящего рогалика в соус, который Фрицу особенно удается, если он не кладет туда петрушку.

Детали происшествия оказались столь же скудными, что и в первой заметке. Труп Сюзан Брук был обнаружен около девяти вечера понедельника на третьем этаже здания, естественно, без лифта, на Сто двадцать восьмой улице. Нашел тело некий Данбар Уиппл, сотрудник Комитета по защите гражданских прав. Череп жертвы был размозжен несколькими ударами. Впрочем, это я уже знал. Я также знал о том, что именно было добавлено в последнем выпуске газеты: Сюзан Брук, работавшая волонтером в КЗГП, жила со своей вдовой матерью в квартире на Парк-авеню, а Данбар Уиппл, двадцати трех лет от роду, был сыном Пола Уиппла, старшего преподавателя кафедры антропологии Колумбийского университета. Одного я не мог сказать наверняка, хотя вполне мог бы догадаться, если бы поработал головой: полиция и окружной прокурор уже начали расследование.

Когда икра шэда, соус и рогалики, а также салат улеглись в животе, я налил себе еще кофе и отправился в кабинет. Сидевший за письменным столом Вулф, постукивая карандашом по кончику носа, хмурился на лежавший перед ним кроссворд. Я прошел к своему столу, сел и отхлебнул кофе. Через некоторое время Вулф обратил хмурый взгляд на меня, но, тут же сообразив, что я этого явно не заслужил, сменил гнев на милость:

– Проклятье! Это просто нелепо и оскорбительно, что я могу лишиться твоих ценных услуг из-за капризов какой-то машины. На какой высоте вы летели в полдень?

– О, четыре мили. Я знаю. Вы принимаете все, что не в силах контролировать, за личное оскорбление. Вы...

– Нет. Только не природного происхождения. Лишь то, что изобретено человеком.

– И то, что является делом его рук, – кивнул я. – Например, убийство. Вам что-нибудь известно, помимо того, что написано в «Таймс»?

– Нет.

– Посетители были? Уиппл?

– Нет.

– Хотите услышать отчет о моей поездке в Расин?

– Нет. Зачем?

– Я просто спросил. Мне нужно побриться. Поскольку у вас нет ничего срочного, я поднимаюсь к себе и использую машинку. Хотя если бы я все-таки отчитался о поездке, не пришлось бы говорить плохо о мертвых. – Я встал с кресла. – По крайней мере, я не стану...

В дверь позвонили. Я отправился в прихожую посмотреть в одностороннюю стеклянную панель и, увидев на крыльце двоих мужчин, вернулся в кабинет:

– Двое Уипплов, отец и сын. Сына я никогда не видел, хотя это определенно он. Им назначено?

Поскольку я остался стоять столбом, Вулф бросил на меня сердитый взгляд, явно считая, что одного сердитого взгляда будет вполне достаточно. Я прошел в прихожую и открыл дверь.

– Нам срочно нужно увидеть мистера Вулфа, – заявил Пол Уиппл. – Это мой сын Данбар.

– Он вас ждет, – сказал я, практически не покривив душой, и посторонился пропустить посетителей.

Еще день-два назад я был бы даже рад познакомиться с афроамериканцем, за которого собиралась выйти замуж Сьюзан Брук, хотя бы для того, чтобы его оценить. Вот я с ним и познакомился. Он был совсем как Шугар Рэй Робинсон после тяжелых десяти раундов, разве что чуть-чуть потемнее. День-два назад Данбар Уиппл наверняка показался бы мне красивым и жизнерадостным, однако сейчас он выглядел абсолютно сломленным человеком. Как и его отец. Когда я потянулся за его шляпой, Данбар разжал руки прежде, чем я успел ее взять, и шляпа упала на пол.

Я кивнул отцу на красное кожаное кресло и придвинул сыну одно из желтых. Данбар сел, Пол остался стоять, обратив на Вулфа затуманенный взор.

– Садитесь, мистер Уиппл, – сказал Вулф. – Вы очень подавлены. Вы хоть что-нибудь ели?

Это не было отвлекающим маневром. Вулф действительно верил, что первое средство от всех бед – хорошая еда.

– Что вы наделали?! Что вы наделали?! – набросился на Вулфа Данбар.

Уиппл укоризненно покачал головой:

– Успокойся, сынок. – Он огляделся и, увидев кресло, сел, затем посмотрел на Вулфа. – Вы наверняка знаете, что случилось.

– Я прочел газету, – кивнул Вулф. – Это кресло повидало на своем веку много людей, попавших в беду. Иногда я не могу дать совет или предоставить свои услуги, но я всегда могу предложить хорошую еду. И я сомневаюсь, что вы сегодня ели. Я прав?

– Мы пришли сюда не для того, чтобы есть! – выкрикнул Данбар. – Что вы наделали?

– Говорить буду я, сынок, – остановил сына Пол и, повернувшись к Вулфу, сказал: – Я понимаю, что вы имеете в виду. Я заставил его немного поесть по дороге сюда. Пришлось рассказать ему о том, что я обратился к вам с просьбой. И он хочет знать, что вы ответили. Вы ведь понимаете, что мой сын... э-э-э... слишком взвинчен. Как вы правильно выразились, он попал в беду. Хотя мне, конечно, тоже хотелось бы знать, что вы сделали. Думаю, вы понимаете.

– Да. Лично я ничего не сделал. – Вулф откинулся на спинку кресла, шумно втянул ноздрями воздух – места для него было, мягко сказать, более чем достаточно – и выдохнул через рот. – Арчи, расскажи им.

– Вы Арчи Гудвин! – выпалил Данбар.

– Верно. – Я перевел взгляд на Пола Уиппла. – Насколько откровенно вы рассказали сыну о том, с какой именно просьбой вы обратились к Ниро Вулфу?

– Совершенно откровенно.

– Хорошо. Лили Роуэн, моя старая знакомая, пригласила мисс Брук на ланч, на котором я тоже присутствовал. За ланчем мы обсуждали исключительно деятельность Комитета по защите гражданских прав. После ланча мисс Роуэн, отдав мисс Брук чек на тысячу долларов в фонд помощи КЗГП, попросила ее немного рассказать о себе. Мисс Роуэн вела себя очень деликатно. И задавала, собственно, самые общие вопросы. Мисс Брук упомянула, что работала в «Парфенон пресс» и в ООН. Я не нашел в этом рассказе ничего полезного для вас, а потому вчера вылетел в Чикаго, где взял напрокат машину и отправился в Расин, штат Висконсин. В Расине я пообщался с двоими, знавшими мисс Брук и ее семью: с редактором газеты и частным детективом. Из разговоров с ними я также не извлек абсолютно ничего полезного для вас. Вы хотели знать, есть ли на мисс Брук какой-нибудь компромат? Я вас правильно понял?

– Да.

– Я пришел к выводу, что в ее биографии нет никаких темных пятен, заслуживающих упоминания, и никогда не было. Я планировал на следующий день вернуться домой, но в семь утра мне позвонил мистер Вулф и рассказал о случившемся. Тогда я сразу же покинул отель и срочно вылетел в Нью-Йорк. Вопросы есть?

Данбар вскочил с кресла и, опустив плечи, посмотрел на меня сверху вниз. Ну вылитый Шугар Рэй, правда перед началом десятого раунда, а не в конце.

– Вранье! Вы явно что-то скрываете. Пока не знаю что, но непременно узнаю. Вам известно, кто ее убил. – Данбар развернулся к Вулфу. – И вам тоже, жирная обезьяна!

– Садитесь! – приказал Вулф.

Данбар, наклонившись вперед, положил сжатые в кулаки руки на письменный стол Вулфа.

– И вы мне все выложите, – процедил он сквозь зубы.

Вулф покачал головой:

– Мистер Уиппл, вы бредите. Уж не знаю, умеете ли вы владеть собой, но я вижу, какой вы сейчас. Вы осел. Мы с мистером Гудвином вообще ни сном ни духом не ведали ни о вас, ни о мисс Брук. Вы наверняка не думаете, будто ваш отец нанял меня организовать убийство мисс Брук. И вы навряд ли...

– Это не то...

– Не смейте перебивать, когда я говорю! И даже в вашем теперешнем состоянии вы вряд ли подозреваете нас с мистером Гудвином в том, что мы организовали ее убийство по собственной инициативе. Однако вы, возможно...

– Я не...

– Не смейте меня перебивать! По понятным причинам вы можете предположить, будто мистер Гудвин, контактируя с различными людьми, невольно сказал или сделал нечто такое, что привело к смерти мисс Брук. Более того, вы даже можете предположить, что он был в курсе этого. В таком случае, по-моему, вы должны сесть на место и спросить его, но вежливо. Мистер Гудвин – человек весьма упрямый, его так просто не запугать. По крайней мере, лично я еще много лет назад оставил любые попытки это сделать. Что касается меня, я вообще ничего не знаю. Самолет задержался, мистер Гудвин вернулся всего час назад, и мы ничего не успели обсудить.

Данбар попятился и, натолкнувшись на край сиденья своего кресла, сел. Затем опустил голову, закрыв лицо руками.

– Не переживай, сынок, – сказал Пол Уиппл.

Я откашлялся и произнес:

– За много лет я здорово наострился дословно передавать разговоры, включая выражение лиц и реакцию собеседников. В этом мне практически нет равных, за исключением, пожалуй, одного человека по имени Сол Пензер. Я не верю, будто мог сказать или сделать нечто такое, что повлекло бы за собой смерть Сюзан Брук. Но если мистер Вулф мне прикажет, ведь

я как-никак работаю на него, то с удовольствием представлю вам полный отчет. Что, полагаю, станет пустой тратой времени. А если, по-вашему, я что-то скрываю, это бред сивой кобылы.

У Пола Уиппла задрожали губы.

– Мистер Гудвин, надеюсь, вы правы. Господь свидетель. Если я виноват в... – Он не смог закончить фразы.

Данбар, подняв голову, повернулся лицом ко мне:

– Я прошу прощения.

– Это совершенно не обязательно. Проехали.

– Но может, вы все-таки расскажете, с кем встречались и что вам сказали. Позже. Я знаю, что сейчас не способен владеть собой, у меня не осталось этой способности. Я не сомкнул глаз и не хочу спать. Я отвечал на вопросы всю ночь и все утро. Они решили, что я убийца. Ей-богу, они решили, что это я убил Сьюзан!

– Но вы ведь не убивали? – кивнул я.

Данбар уставился на меня невидящими глазами:

– Боже мой, так вы тоже считаете, что я это сделал?!

– Я ничего не считаю. Я вас не знаю. Я вообще ничего не знаю.

– Зато я его знаю. – Пол Уиппл посмотрел на Вулфа. – Он захотел прийти сюда, потому что предположил... именно то, о чем и сказал. Я не знал, что и думать, но испугался. Смертельно испугался, что я во всем виноват. Но теперь понял, что, возможно, это не так. Надеюсь, что не так. И пришел к вам совсем по другой причине. Они собираются его арестовать. Они считают, что мой сын убил ее. Его хотят обвинить в убийстве. Нам нужна ваша помощь. – Вулф в ответ лишь поджал губы, и Уиппл продолжил: – Я пришел попросить вас о помощи тогда, когда в этом не было необходимости. Да, я совершил ошибку и горько сожалею. Тогда я думал, что мои действия оправданны, но оказался не прав. Мне ужасно не хотелось рассказывать сыну о том, что я сделал, и все же пришлось. Он должен был знать. А теперь я должен попросить вас о помощи. Именно сейчас было бы правильно напомнить вам о той вашей речи. «Если вы прикрываете его, потому что он черный, можно сказать многое. Вы этим только упрочиваете ту несправедливость, против которой сами по праву выступаете...»

– Довольно! – отрезал Вулф. – Сейчас это совершенно неуместно. И не имеет отношения к данной ситуации.

– Имеет, хотя и косвенное. Ведь вы уговорили меня помочь вам, взывая к приверженности существующим в обществе договоренностям. Я был невежественным, незрелым мальчиком, и вы меня обманули. Нет, я не жалею, то был законный обман. Я не провожу аналогий, но вы столкнулись с проблемой и попросили моей помощи, а теперь проблема у меня, и я прошу вашей помощи. Моего сына собираются обвинить в убийстве.

Вулф прищурился:

– Они допрашивали его много часов, однако не задержали.

– За этим дело не станет. Когда они будут готовы.

– Тогда вашему сыну понадобится адвокат.

– Ему понадобится кто-то более умелый, чем простой адвокат. Судя по всему. Ему понадобятся вы.

– Быть может, вы несколько преувеличиваете угрожающую вашему сыну опасность. – Вулф обратился к Данбару: – Мистер Уиппл, вы наконец взяли себя в руки?

– Нет, не совсем, – ответил Данбар.

– И все же я попытаюсь с вами пообщаться. Вы сказали, они считают вас убийцей. Это всего лишь ваша фантазия или у них есть какие-то основания?

– Они считают, что у них есть основания. Но это не так.

– Вы уходите от ответа. Попробую еще раз. Почему они считают, что у них есть основания?

– Потому что я там был. Потому что мы с ней были... друзьями. Потому что она была белой, а я черный. Потому что нашли дубинку, полицейскую дубинку, которой ее убили.

– Тогда вам придется уточнить. Начнем с дубинки. Она ваша?

– Она была у меня. Это дубинка, которой полицейский из Алабамы отделал двоих цветных парней. Я ее раздобыл... не важно как... и оставил у себя. Дубинка несколько месяцев лежала у меня на столе в офисе.

– А вчера дубинка лежала у вас на столе?

– Нет. Сюзан... – Он осекся.

– Да?

Данбар посмотрел на отца и перевел взгляд на Вулфа:

– Сам не знаю, почему я остановился. Я ведь уже объяснял это полиции. Мне пришлось, так как все об этом знали. Мисс Брук арендовала и меблировала маленькую квартиру на Сто двадцать восьмой улице, и дубинка была там. Сюзан отнесла дубинку туда.

– Когда?

– Около месяца назад.

– Полицейские нашли на ней ваши отпечатки?

– Не знаю. Хотя сомневаюсь. Думаю, отпечатки были стерты.

– С чего вы это взяли?

– Потому что полицейские конкретно не сказали, что нашли на дубинке мои отпечатки.

Справедливое замечание. Похоже, парень наконец взял себя в руки. Необходимость отвечать на вопросы как нельзя лучше этому способствует.

– Логично, – согласился Вулф. – Но довольно об оружии убийства. Что касается возможностей, то вы там были. Впрочем, остается открытым вопрос: чем вы занимались в тот день до того? Скажем, начиная с полудня. Полиция наверняка вас об этом подробно допросила. Можете рассказать мне вкратце. Я сейчас рассматриваю официальную точку зрения, что вы ее убили.

Данбар напрягся и чуть выпрямился:

– В полдень я работал за своим письменным столом в офисе. Без четверти час я встретился за ланчем в ресторане с двумя мужчинами. В офис я вернулся незадолго до трех дня. В четыре я отправился на совещание в офис мистера Хенчи, исполнительного директора. Совещание закончилось где-то после шести, и, когда я вернулся в свой кабинет, на столе меня ждала записка. Мы с мисс Брук договорились встретиться на квартире в восемь вечера, и в записке сообщалось, что она приедет туда не раньше девяти, а может, и позже. Что меня вполне устраивало, поскольку я должен был встретиться за обедом с одним из тех, кто присутствовал на совещании. Мы расстались с этим человеком в восемь двадцать пять у входа в метро на Сорок второй улице, и в результате я добрался до дома на Сто двадцать восьмой улице и вошел в квартиру в пять минут десятого.

– И обнаружили тело?

Вулф посмотрел на часы:

– Вас не затруднит рассказать, что вы тогда сделали?

– Нет. Она лежала на полу. Кругом была кровь, и я слегка измазал руки и рукав. Какое-то время, уж не знаю, как долго, я словно оцепенел. Дубинка валялась там же на кресле. Я к ней не прикасался. Вызывать врача не имело смысла. Я сел на кровать и попытался решить, что мне делать. Вы наверняка сочтете это неестественным. Она, мертвая, лежит на полу, а я беспокоюсь о своей шкуре. Быть может, это и впрямь неестественно, но я поступил именно так. Вам никогда не понять, потому что вы белый.

– Пф! Вы человек, и я тоже.

– Вы все так говорите. Слова, слова. Я понимал, что должен посмотреть правде в глаза или что-то... с этим сделать. Наверное, мне так и следовало поступить, однако у меня хватило

здорового смысла осознать, что мне не удастся просто так отвертеться. Тогда я нашел в телефонном справочнике номер полицейского участка и позвонил. Времени было без двадцати десять. Я провел в квартире более получаса.

– То, что вы промедлили, было опрометчиво, но вполне объяснимо. Вы определенно попали в трудную ситуацию. Но обвинение в убийстве? И как они собираются найти мотив преступления?

– Вы это серьезно?! Чернокожий парень и белая девушка!

– Вздор! Нью-Йорк явно не страна Утопия, но и не южные штаты.

– Все верно. Окажись мы на американском Юге, я не сидел бы в красивой большой комнате и не рассказывал бы известному детективу об убийстве. Здесь, в Нью-Йорке, они более осторожны, выбирают нужный момент. Но что касается мотива... Если в деле замешан афроамериканец, в мотиве они точно не сомневаются. Он черномазый, он ошибка природы, у него с рождения имеются мотивы, которых не бывает у белых людей. Возможно, для вас это глупости, но не для остальных. Таково положение вещей.

– Для подонков наверняка. А еще для придурков и идиотов.

– Для всех. Хотя большинство из них об этом и не подозревают. Большинство из них никогда не скажут «ниггер», хотя это слово сидит у них в голове. Буквально у каждого. Задвинутое в дальние уголки памяти, оно похоронено, но не умерло. Некоторые из них даже не знают, что слово «ниггер» всегда с ними, и упорно это отрицают, однако оно там. Я понимал, что мне именно с этим придется иметь дело, когда прошлым вечером сидел на кровати и пытался решить, как лучше поступить.

– И вы приняли верное решение. Избавиться от тела, пусть даже весьма изобретательно, было бы роковой ошибкой. – Вулф покачал головой. – Что касается ваших комментариев относительно слова «ниггер», его особое значение для вас искажает ваше понимание. Рассмотрим слова, которые отнюдь не похоронены и которые вы используете. Так, вы сказали: «Жирная обезьяна». Могу ли я предполагать, что мужчина, похожий на обезьяну, или тот, которого считают жирным, или и то и другое вместе, не может слышать из ваших уст подобных эпитетов? Определенно нет. На подсознательном уровне разум, или душа, или дух – выбирайте любой термин на свой вкус – абсолютно каждого человека представляет собой нелепое сочетание выгребной ямы и сада. Одному лишь Богу известно, какие синонимы к слову «женщина» рождаются в моей голове. Я рад, что сам этого не знаю. – Вулф повернулся к Уипплу-старшему. – Мистер Уиппл, лучшую услугу, которую я могу оказать вам и вашему сыну, – это накормить вас. Скажем, омлетом с грибами и водяным крессом. Двадцать минут. Вы любите водяной кресс?

Уиппл растерянно заморгал слезящимися глазами:

– Значит, вы не собираетесь нам помогать?

– Тут я бессилен. Я не могу отразить удар. Он уже нанесен. Предположение, что вашего сына непременно обвинят в убийстве, возможно, весьма призрачно. Вы сейчас просто не в себе.

– Грибы и водяной кресс, говорите? Нет, благодарю покорно. – Криво усмехнувшись, Уиппл достал из внутреннего кармана пиджака чековую книжку. – Сколько я должен?

– Ничего. Ведь я вам обязан.

– За поездку мистера Гудвина. В Расин.

– Вы его на это не уполномочивали. Это я отправил туда мистера Гудвина. – Вулф отодвинул кресло и встал. – А теперь прошу меня извинить. Дела не ждут. Я жалею, что взялся за эту работу. Очень легкомысленно с моей стороны. И я вам очень сочувствую. – Вулф направился к двери.

Он явно финтил. На часах было 15:47, а вечерняя сессия в оранжерее проходила строго по расписанию: с четырех до шести вечера.

Глава 5

Прошло пятьдесят часов.

Как и все остальные люди, я пользуюсь разными источниками информации о происходящем: это газеты, журналы, радио, телевидение, таксисты, случайные разговоры то тут, то там, друзья и враги. Но у меня есть два особых источника информации: Лон Коэн, доверенный помощник издателя «Газетт», и женщина, находящаяся в близких, хотя отнюдь не в семейных, отношениях с одним высокоуважаемым гражданином, которому я однажды оказал большую услугу. Однако новости об аресте Данбара Уиппла я узнал лично от инспектора Кремера из отдела по расследованию убийств, которого, строго говоря, не могу назвать врагом, хотя и к числу друзей тоже причислить не могу.

В течение двух дней я не только читал газеты, но и пару раз звонил Лону Коэну узнать, нет ли чего-нибудь новенького об убийстве Сюзан Брук, о чем не писали в газетах. Ничего новенького не было, если не считать того, что Кеннет, брат Сюзан, начистил клюв помощнику окружного прокурора или что слухи о беременности Сюзан Брук, которые пытались замять, не подтвердились. Она не была беременна. Ну и конечно, в газетах напечатали кучу подробностей: что в ее сумочке, лежавшей на столе в квартире, было более ста долларов; что на платье осталась дорогая золотая булавка, а на пальце – кольцо с большим изумрудом (я видел это кольцо); что незадолго до восьми вечера она купила бутылку вина в винном магазине и еще кое-что в магазине деликатесов; что ее мать крайне подавлена и недоступна для журналистов; что все в КЗГП подверглись допросу или еще допрашиваются и так далее и тому подобное. В «Ньюс» напечатали фотографию Сюзан Брук в бикини на пляже в Пуэрто-Рико, но зато в «Газетт» появилась фотография Данбара Уиппла. Красивого и жизнерадостного.

Меня не слишком удивило, когда в четверг в 18:03 к нам явился инспектор Кремер. Я ожидал его, или сержанта Пэрли Стеббинса, или по крайней мере звонка от них уже с полудня среды, когда мне позвонила мисс Лили Роуэн рассказать, что ей нанес визит представитель закона. Они, естественно, проводили рутинную проверку последних контактов Сюзан Брук, и кто-то из КЗГП, естественно, рассказал о ланче с мисс Роуэн и о сделанном той крупном пожертвовании, и полицейские, естественно, навестили мисс Роуэн, а та, естественно, рассказала посетителю обо мне, поскольку иначе это сделал бы кто-нибудь другой, например консьерж. Итак, мы ждали гостей, а когда позвонили в дверь, я, увидев на крыльце грузную фигуру, красное круглое лицо и потертую фетровую шляпу, открыл дверь и раздраженно сказал:

– А я смотрю, вы не очень-то торопились. Мы ждем вас уже несколько дней.

Инспектор заговорил со мной прямо в прихожей. Иногда он этого не делает и напрямик топает в кабинет. Однако на сей раз он со мной заговорил и даже поблагодарил, когда я взял у него пальто и шляпу, а это свидетельствовало о том, что он пришел не требовать, а просить. Войдя в кабинет, Кремер, естественно, не подал руки Вулфу, зная, что тот терпеть не может рукопожатий, но, прежде чем опустить свой зад в красное кожаное кресло, пробормотал вежливое приветствие и даже попытался завести светский разговор, спросив:

– Как поживают орхидеи?

Вулф удивленно поднял брови:

– Вполне сносно, спасибо. *Miltonia goezli* в горшке дала четырнадцать цветоносов.

– Ну надо же. – Кремер сел, поджав ноги. – Вы заняты? Я вас, случайно, ни от чего не отрываю?

– Нет, сэр.

– Никакого дела и никакого клиента?

– Да. Абсолютно никакого.

– А я, грешным делом, подумал, что вы занимаетесь делом Данбара Уиппла. Что он нанял вас во вторник, когда приходил сюда с отцом.

– Нет. По-моему, его положение не настолько угрожающее, что ему требуются мои услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.